

ОПЕКУНЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Екатерина II подписала «Генеральный план воспитательного дома» 1 сентября 1763 г., а Петербургский филиал открылся 1 октября 1770 г. Появились новые категории чиновников и общественных деятелей. До 1795 г. главным попечителем дома был И. И. Бецкой, которого императрица наделила правом «по своему благоизобретению» изменять правила его работы. Другие попечители из «духовных и светских персон» собирали подаяния и оказывали дому добровольное содействие. В 1772 г. И. И. Бецкой оформил покровительство дому со стороны самых знатных лиц — почетных благодетелей. Им полагалось охранять «непоколебимость сих учреждений», из них избирали главного попечителя.

Руководство домом осуществлял опекунский совет из «знатных персон». Он заседал в Москве, работал «единственно из любви к Отечеству» без жалования и через Бецкого поддерживал связь с императрицей. Петербургский дом сначала был «агентством для приема детей» и до конца 1772 г. не имел опекунов. В его организации Бецкому помогали попечители, его давние знакомые: духовник императрицы протоиерей И. И. Панфилов и бывший преображенец полковник И. И. Моллер, служивший под началом Бецкого в конторе Новодевичьего монастыря. В январе 1772 г. они получили звание заопекунов — лиц, выполнявших опекунские обязанности безвозмездно; позднее — исправляющих должность опекуна. В марте 1772 г. заопекуном стал капитан-поручик Преображенского полка И. М. Левашов¹.

Сенатский указ 6 сентября 1772 г. признал Петербургский дом «отделяющейся частью» Московского, его Петербургским отделением, 3–5-летних питомцев которого перевозили в Москву. При нем создавалось заседание опекунского совета (главный попечитель, директор и два попечителя или заопекуна). Директором отделения назначили Моллера. «Исполнительное учреждение вдовей, ссудной и сохранной казны», подписанное 20 ноября 1772 г., узаконило финансово-кредитную деятельность домов и превратило московских опекунов в профессионалов с жалованием до 1000 руб. в год. Изменился порядок формирования совета и его заседания. Ежегодно 21 апреля на генеральном собрании попечители и почетные благодетели производили «баллотирование» главного попечителя, опекунов, заопекунов и прочих начальников².

Петербургское отделение пополнялось подчиненными Бецкого. Левашова в 1773 г. сменил попечитель и заопекун А. О. Закревский, в молодости преображенец, с середины 1770-х гг. — директор Академии художеств³. В ноябре 1774 г. попечителями стали С. С. Аничков, сотрудник Камер-коллегии, и К. И. Крок, чиновник конторы строений, служащий Бецкого. Тогда же попечителем объявили архитектора Ю. М. Фельтена, состоявшего в конторе строений. В январе 1775 г. все трое стали заопекунами. Ю. М. Фельтен наблюдал за строительством, контролировал оценку домов, закладываемых в Сохранную казну⁴.

М. А. Ильин, также служивший у Бецкого, стал первым выборным заопекуном. В июле 1776 г. его пригласили в заседание. Бецкой дважды отправлял своего приближенного в Москву для ревизии дома⁵. Петербургское отделение работало без жалования до 1779 г. Вероятно, заопекунов побуждал к благотворительности сам Бецкой. По его повелению в Петербурге выбрали первых опекунов: Ф. Ф. Вындомского, служащего полиции, а также И. Е. Стокса, чиновника Коллегии иностранных дел, рекомендованного почетным благотворителем графом Н. И. Паниным. Они вступили в должность в начале 1779 г.⁶ Бецкой не изменил заопекунского статуса прежних помощников в надежде, что они еще послужат без оплаты, но Стокс уволился уже в октябре 1779 г. Тогда Аничков подал заявление об опекунстве и вскоре стал опекуном⁷.

15 сентября 1780 г. Бецкой, не удовлетворенный работой опекунов, подписал новое «Законоположение», уравнившее в правах Московский дом и Петербургское отделение. В Петербурге создавался опекунский совет. Каждый совет состоял из 4 опекунов, включая обер-директора, который становился главным лицом в доме. Вторым человеком являлся контролер, который вел делопроизводство совета. На этом месте он приобретал «самоподробнейшие сведения» и мог поступать на «убылые места» опекунов. Иных возможностей стать опекуном не предусматривалось. Контролера выбирали голосованием обоих советов. Главный попечитель предоставил им «на время свободу действовать». Генеральные собрания созывались ежегодно по его инициативе, разбирали «предосудительные случаи» и спорные вопросы, избирали обер-директоров и почетных благотворителей. Одинаковое устройство получили и оба дома, которые считались двумя частями единого учреждения. Пересылку детей в Москву отменили⁸.

Для Петербурга в 1780 г. сделали исключения. По итогам выборов в составе его совета не хватало обер-директора и опекуна (заопекуны уволились). На пост обер-директора в Петербурге никто и не баллотировался. Моллеру и Закревскому по новым законам не полагалось быть опекунами, так как они служили в других местах. Однако главный попечитель, «соображая способности их», приказал оставить обоих на своих местах. Новым опекуном стал А. И. Голохвастов, капитан Измайловского полка, а контролером — секунд-майор столичного гарнизона В. Г. Куломзин. Вопреки правилам, по воле Бецкого в Петербурге сохранился и заопекун Фельтен. Он «с пользою» занимался «строениями и по оценкам закладываемых домов, что и впредь необходимо»⁹. Фельтен служил до конца 1794 г. и оставался единственным неоплачиваемым сотрудником.

Постановление 1780 г. должно было обеспечить дом стабильными кадрами, но Вындомский вскоре умер, и в июне 1781 г. на его место взяли контролера В. Г. Куломзина. 1 декабря того же года он уволился по болезни. Вакансию полагалось занять контролеру А. Е. Евдокимову. Выслужившийся дворянин, он состоял при «письменных делах» отделения с 1772 г., одновременно работал в конторе строений, контролером стал только в августе 1781 г. Бецкой попросил Моллера и Закревского подыскать другого претендента. Однако Моллер попал под следствие по делам Новодевичьего монастыря, и в феврале 1782 г. был уволен. Тогда же об уходе заявил и Закревский. Он утверждал, что слабеющее здоровье требует, чтобы он остался только в Академии художеств. Его уволили со свидетельством¹⁰.

К концу февраля 1782 г. совет нуждался в срочном пополнении. В марте 1782 г. опекуном стал П. Я. Ильин, видимо, вопреки положению, по инициативе Бецкого. Перевести в опекуны Евдокимова удалось только в сентябре 1782 г. В апреле 1782 г. Главный попечитель, «ведая достойные качества» члена Медицинской коллегии Ф. П. Фрезе, предложил принять его на место обер-директора. Бецкой надеялся, что врач сможет уменьшить смертность детей. Ф. П. Фрезе оправдал ожидания и стал

самым видным петербургским опекуном. Он претворял в жизнь взгляды Бецкого, но обладал строптивым характером.

Фрезе обнаружил «неисправность» ведения бухгалтерских книг, организовал проверку закладов ссудной казны (ломбарда) и выявил недостачу в 171336 руб. 55 коп. Оказалось, что кассир К. Принц «похищения делал» с 1778 г. Дом был и судебной инстанцией для служащих. Фрезе, взяв кассира в оборот, добился возвращения деньгами, товарами и векселями 97944 руб., об остальных же «совершенно утраченных» 73392 руб. 55 коп. сообщил совету. Вслед за Бецким, совет посчитал, что руководители несут коллективную ответственность за кражу, и постановил «расчислить суммы и получить от них... обязательства на плату попущенного Принцем похищения». «Первым виновником» краж объявили Моллера (начет — 18790 руб.). Остальным следовало внести в кассу от 18701 до 147 руб. Размер выплат зависел от должности и времени, проработанного вместе с вором. Оштрафованные завалили совет оправданиями, обвинениями в адрес коллег и Бецкого. Летом 1784 г. генеральное собрание, вопреки его мнению, исключило похищенную сумму из документов. Преступники и попустители отделались испугом. Усердие их разоблачителя было вознаграждено. Почетные благотворители наградили Фрезе 4% от возвращенной суммы, то есть 3645 руб.¹¹

За разоблачением последовали увольнения. В декабре 1783 г. уволился Голохвастов, позднее сделавший карьеру в Сенате. Его уход был связан с делом К. Принца. Начет с него составлял 5340 руб. В декабре 1783 г. по заявлению, но без свидетельства уволили Евдокимова. Причиной его ухода стали неприязненные отношения с обер-директором из-за хищений. Начет на Евдокимова, экспедитора при К. Принце, составил свыше 16500 руб.¹²

Место Голохвастова занял контролер В. И. Крюковский. Ранее он служил в Коммерц-коллегии и в Главной провиантской конторе и был ставленником Бецкого. Главному попечителю удалось провести его кандидатуру на генеральном собрании только в ходе повторного голосования. Контролерскую должность В. И. Крюковский исполнял с сентября 1782 по декабрь 1783 г., а при назначении опекуном сохранил обязанности контролера. Вакансию Евдокимова в октябре 1784 г. занял бригадир М. В. Неклюдов, уволившийся через год¹³. Контролером он не служил, а значит, был направлен в совет Бецким.

Пребывание Фрезе на посту обер-директора в феврале 1785 г. оборвал конфликт с Бецким. В апреле 1785 г. в доме появился новый начальник — Е. А. Киршбаум, ранее служивший под началом почетного благотворителя князя А. А. Вяземского. Три года прошли относительно спокойно.

6 мая 1788 г. 86-летний главный попечитель в письме к обоим советам отметил, что «по части экономии донныне еще ничего положительного не было», и потребовал сообщить ему обо всех расходах. Ответы не удовлетворили Бецкого. С 1 января 1789 г. он предписал ввести в действие некое «Предварительное рассмотрение», включенное в новое издание «Генерального плана»¹⁴ и напоминавшее о необходимости выполнять законы. 31 мая 1790 г. Бецкой объявил, что с началом русско-турецкой войны почти все почетные благотворители отбыли на театр военных действий, генеральные собрания стали невозможны, и он возвращает себе полную власть в отношении Петербургского совета¹⁵. Однако прежнюю систему вернуть не удалось. Главный попечитель был уже слишком стар и очень болен. Практические действия он предпринял только в Петербурге, но и здесь потерпел тяжелое поражение. 4 июня 1790 г. Бецкой уволил обер-директора Киршбаума по «слабости его здоровья», а 7 июня — и нового опекуна И. И. Ловцова «по причине болезненных припадков». Опекуном он предложил стать контролеру А. П. Исупову, его место передал находящемуся «не у дел» М. П. Симишину,

исполнение обязанностей обер-директора поручил опекуну Крюковскому. Бецкой рассчитывал, что уволенные не пожелают публичного разоблачения и тихо покинут свои места. Он не понимал, что реальную власть уже утратил.

Киршбаум тут же сообщил в совет, что он здоров, а увольнение незаконно. Намекая на Бецкого, Киршбаум утверждал, что сама императрица «не лишает своих слуг без причины их мест», но снисходит с милосердием «на состояние тех, которые пришедши в слабость, удручены летами и болезнями». 10 июня Бецкой приказал выдворить уволенных из дома силой, но его не послушали. Киршбаум и Ловцов пожаловались Екатерине. К ней обратился и поддерживавший их опекун П. Я. Ильин. Крюковский и Исупов промолчали, приняв сторону начальника, но они были связаны по рукам и ногам. 10 июня 1790 г. почетный благотворитель граф Я. А. Брюс объявил опекунам негласное распоряжение императрицы: «Совету никаких приказаний главного попечителя, противных Учреждению, в действо не производить».

Императрица передала жалобы опекунов в совет при своем дворе, который решил созвать генеральное собрание. Екатерина II предложила рассмотреть жалобы «в уважении на продолжающиеся болезни» главного попечителя «наличным» в столице почетным благотворителям, попечителям и опекунам. Учитывая важность заведения и его финансовых учреждений, а также болезнь Бецкого, она распорядилась оставить скандальных опекунов на месте до окончания дела. На следующий день почетный благотворитель граф И. Г. Чернышов прислал главному попечителю текст указа. Бецкой, уверявший всех, что он здоров и при этом, мягко говоря, лукавивший, сам попал в положение обороняющегося.

Получив указ императрицы, главный попечитель, наконец, раскрыл ей причины увольнения скандалистов: обер-директор, «присвоив власть себе не ограниченную, с помощью опекуна Ловцова, преданного ему, ставил ни во что мои указания и двух других сочленов Крюковского и Ильина». Они не раз жаловались Бецкому на притеснения. Главная надзирательница сообщала об «упущениях воспитания» и даже о «недостатке прокормления детей». Ловцова к тому же часто видели «в присутствии пьяным к посрамлению совета». Болезнь, как предлог для увольнения, он выставил «для сохранения кредита воспитательного дома и следуя узаконениям человеколюбия». События 1790 г. показывают, что его обвинения были обоснованными. В собственноручной записке Бецкой просил Екатерину не сообщать содержания письма «тем, коим повелено рассмотрение, дабы дом чрез то не претерпел упадка в своем кредите». Получается, и объяснению причин его скрытности стоит доверять. Записка и письмо сохранились в деле совета — императрица держать их в тайне не стала.

Генеральное собрание заседало 2 сентября 1790 г. 5 человек (почетные благотворители графы И. Г. Чернышов и А. С. Строганов, опекун Крюковский, попечители М. А. Ильин, Панфилов и Крок) посчитали, что главный попечитель имел полученные от императрицы полномочия на увольнение нарушителей. С ними не согласились 4 участника собрания (почетные благотворители графы Брюс и В. П. Мусин-Пушкин, опекун П. Я. Ильин и попечитель А. И. Дурново), заявившие о незаконности действий Бецкого. Видимо, они знали мнение Екатерины. Не случайно императорский совет принял сторону меньшинства. 23 октября 1790 г. императрица направила Бецкому рескрипт. Она не нашла законных оснований для отрешения чиновников, но оставлять их на прежних местах посчитала неудобным, определила в свой Кабинет и разрешила занять вакансии.

Получив рескрипт, упрямый старец потребовал, чтобы его противники убрались немедленно. На их места он, как и в июне, определил обер-директором Крюковского, опекуном — Исупова. Четвертым членом Совета должен был стать Симишин, пред-

ставленный как контролер. Императрица медлила с их утверждением. Она получила новый донос П. Я. Ильина о том, что Симишин «контролером не бывал», а кандидаты не утверждены в Москве. Только 22 ноября 1790 г. Екатерина ответила Бецкому холодным посланием, высказав сомнения в законности отбора кандидатов. Бумаги претендентов и письмо с согласием Московского совета на назначения ей были направлены. В совете, наконец, появились новые опекуны¹⁶.

С осени 1790 г. И. И. Бецкой перестал участвовать в делах воспитательных домов, но только в январе 1792 г. секретным указом Екатерина предписала генеральному собранию избрать его преемника, а 27 февраля утвердила доклад о выборах. Указ гласил, что главный попечитель не имеет помощника из-за болезни преемника [его преемник князь А. А. Вяземский скончался в 1793 г. — *Т. Ф.*], потому императрица повелела графу Х. С. Миниху немедленно вступить «в должность преемника» под «руководством главного попечителя». Официально и после смерти Бецкого он именовался исправляющим должность преемника главного попечителя. Истинная причина перемен названа не была, формально Бецкой сохранял свои полномочия. В 1795 г. он скончался.

В июне 1793 г. граф Миних заявил совету о необходимости «для сохранения порядка» увеличить число опекунов. По повелению императрицы опекуном стал Б. В. Гибаль, директор так и не открытого Екатеринославского университета, сотрудник Г. А. Потемкина. В марте 1794 г. Крюковский подал заявление об уходе с поста обер-директора. Он пояснил, что не решается на продажу просроченных залогов сохранной казны после финансового кризиса 1793 г., и выразил желание остаться опекуном. Вопрос об его увольнении по воле Екатерины согласовали с почетными благотворителями. 18 марта Крюковский сдал дела дежурному опекуну. До назначения нового обер-директора опекуны исполняли его обязанности по очереди. В апреле 1794 г. граф Миних представил на этот пост одобренную почетными благотворителями кандидатуру полковника И. Г. Сумбатова, боевого офицера и военного разведчика. В июне 1794 г. он вступил в должность обер-директора. В январе 1796 г. Миних рекомендовал совету принять за опекуном на жаловании премьер-майора Л. А. Изота в связи с умножением «больших забот» дома.

В июне 1796 г. Миних получил письмо из канцелярии Павла Петровича о его желании поместить в совет «на первооткрывающуюся вакансию» С. И. Пущина. Вакансия не появилась, но 11 ноября 1796 г., через пять дней после смерти Екатерины, он предложил совету определить Пущина «в свои сочлены», чтобы продемонстрировать преданность государю. Совет согласился. Это не помогло Миниху. 12 декабря 1796 г. главным попечителем Павел I назначил Я. Е. Сиверса, а в мае 1797 г. «главноначальствующей над воспитательными домами» объявил императрицу Марию Федоровну.

С ее приходом усилилась борьба с коррупцией. Особый интерес вызывали дела сохранной казны. Скандал разгорелся вокруг Изота. В феврале 1797 г. Сиверс сообщил совету, что заметил «неисправности» Изота во взыскании долгов. Просроченный капитал дошел, по его данным, до 1,5 млн руб. Главный попечитель потребовал проверить отчеты Изота и уволить его. Следствие затянулось до осени 1798 г. Ревизия показала, что счета он вел правильно, и совету пришлось выплатить Изоту жалование за период тягбы. Однако опекуны сумели осложнить ему дальнейшую службу. Вместо одобренного свидетельства Изоту выдали аттестат с указанием только срока пребывания в должности, что едва ли способствовало его карьере¹⁷. Вероятно, Изот не был растратчиком, он просто выполнял свои обязанности (он следил за 66 жилыми домами и лавками) спустя рукава. Ему не повезло — его служба пришлась на переломную эпоху, а коллеги-опекуны суровыми мерами против него пытались спасти самих себя. Несмотря на их усилия, в конце 1797 г. старый опекунский совет был расформирован и создан

новый, состоявший из почетных опекунов. Работа в совете превратилась в придворную службу под контролем императрицы.

Институт опекунов советов, как и воспитательные дома, действовал до конца 1917 г. В сословной России работа бессловного благотворительного учреждения требовала постоянной поддержки дворянства. Бецкой был убежден, что в благотворительных сиротских заведениях опекуны-дворяне должны трудиться бесплатно. Отсутствие традиций постоянного благотворения и бедность населения не позволили реализовать этот замысел. Главным источником средств стали финансово-кредитные учреждения. Работать в них должны были профессионалы, в них и превратились опекуны. В Москве опекунский совет состоял, в основном, из родовитых дворян. Бесплатно они работали до 1772 г. Благотворительный период руководства Петербургским домом также длился 9 лет — с 1770 по 1779 г. В Петербурге преобладали служилые дворяне, которых Бецкой узнал при дворе или по совместной работе. В 1779 г. в Петербургском отделении появились опекуны-профессионалы, а в 1780 г. безвозмездную службу отменили. Опекуны по-прежнему рекрутировались, в основном, из служилого дворянства разных этнических групп. Работа опекунов регламентировалась законами, но Бецкой и Екатерина нередко нарушали их. Главный попечитель надеялся, что близкое знакомство и личный контроль станут гарантией долгой и честной службы при больших деньгах. Ожидания не оправдались. Мария Федоровна обобщила опыт Бецкого. Совет, состоявший из почетных опекунов, — сплав екатерининских институтов (опекунского совета и почетных благотворителей), успешно работал, пока императрица без усталости контролировала и направляла его.

Примечания

1. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 875. Л. III об., VII; *Пятковский, А. П.* С.-Петербургский воспитательный дом под управлением И. И. Бецкого. Отд. оттиск. СПб., 1875. С. 46; *Пятковский, А. П.* Указ. соч. // *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 195; *Месяцеслов... 1770*. СПб., 1770. С. 19.
2. ПСЗ. Т. 19. № 13862, 13309.
3. Адрес-календарь... 1765. С. 12; *Месяцеслов... 1776*. С. 145; *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 195.
4. К. И. Крок уволился из заопекунов в 16 января 1777 г., сохранив попечительское звание. — *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 195–196; *Месяцеслов... 1770*. С. 71; *Месяцеслов... 1772*. С. 128; *Месяцеслов... 1774*. С. 98; *Месяцеслов 1776*. С. 153.
5. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 226 б. Л. 10; д. 397. Л. 5; д. 721. Л. 40; ф. 759. Оп. 10. Д. 345. Л. 3; д. 369. Л. 1 об., 8–9а об.; Адрес-календарь... 1766. С. 97; *Месяцеслов... 1769*. С. 122; *Месяцеслов... 1772*. С. 128; *Месяцеслов... 1779*. С. 153; *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 196.
6. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 347. Л. 1–2; Адрес-календарь... 1765. С. 72; *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 196–197.
7. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 424. Л. 1–2; *Месяцеслов... 1779*. С. 111; *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 195–196.
8. Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 100. Прибавления; *Русская старина*. 1875. № 4. С. 666–667.
9. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 400. Л. 2; д. 440. л. 16–16 об.; *Месяцеслов... 1776*. С. 21; *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 197.
10. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. д. 566. Л. 1; д. 636. Л. 1; *Пятковский А. П.* С.-Петербургский воспитательный дом... С. 46–48; *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 195.
11. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 9. Л. 1; д. 7. Л. 1, 10–10 об., оп. 5. Д. 721. Л. 31–43, 53; *Пятковский А. П.* С.-Петербургский воспитательный дом... С. 47–49; *Русская старина*. 1875. Т. 13. С. 197.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

12. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 720. Л. 1–5; оп. 7. Д. 8. Л. 31–36; Русская старина. 1875. Т. 13. С. 197.

13. Адрес-календарь... 1766. С. 87; Месяцеслов... 1770. С. 91; Русская старина. 1875. Т. 13. С. 191, 198.

14. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. д. 348. Л. 76–98об.

15. *Майков П. М.* И. И. Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 195.

16. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 14. Л. 1–4, 7–13, 15, 20–29, 34, 52об.; ф. 759. Оп. 10. Д. 382. Л. 1–1об., 2а; д. 383. Л. 2–10 об., 12об.–13об.; Русская старина. 1875. Т. 13. С. 190, 198–199; *Майков П. М.* Указ соч. С. 199.

17. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 16. Л. 4; д. 18. Л. 1–36; д. 21. Л. 1–1об., 3–10, 13–14об., 23–29; д. 24. Л. 1–6; д. 25. Л. 17–98об.; д. 26. Л. 1; оп. 5. Д. 919. Л. 1–47; Русская старина. 1875. Т. 13. С. 192–193.